

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

С. А. Котляревскій, Конституціонное государство. Опытъ политико-морфологическаго обзора. СПб. 1907.—250 стр.

Какъ показываетъ самое заглавіе, новый трудъ С. А. Котляревскаго посвященъ политико-морфологическому обзору конституціоннаго государства, т. е. изученію послѣдняго со стороны формъ распредѣленія въ немъ власти (см. стр. 222—223). „Здѣсь“,—можно характеризовать трудъ словами самого автора,—„главная цѣль—изучить механизмъ политическихъ учрежденій, самъ по себѣ, независимо отъ того, въ какихъ юридическихъ категоріяхъ онъ мыслится и эквивалентомъ какихъ социальныхъ силъ онъ является; конечно, это не означаетъ исключенія другихъ точекъ зрѣнія, а лишь ихъ подчиненіе основною, которую, можетъ быть, всего точнѣе назвать политико-морфологической“ (7). Свой политико-морфологическій методъ нашъ авторъ отличаетъ и ограничиваетъ отъ двухъ другихъ методовъ,—юридическаго и социально-историческаго, обычно примѣняемыхъ и принципиально допускаемыхъ нашимъ авторомъ къ изученію государства. Отъ юридическаго метода политико-морфологическое изслѣдованіе отличается тѣмъ, что оно не ограничивается формальнымъ опредѣленіемъ публичныхъ правомочій и компетенцій, но раскрываетъ скрытое въ нихъ дѣйствительное распредѣленіе власти; не сооружаетъ отвлеченныхъ преградъ тамъ, гдѣ политическая дѣйствительность допускаетъ постепенные переходы (стр. 3—4, 100, 221, 222, 223). Отъ социально-историческаго политико-морфологическое изслѣдованіе отличается тѣмъ, что оно отдѣляетъ формы распредѣленія власти

отъ тѣхъ социальныхъ силъ, отраженіемъ которыхъ является политическая организація. Такое отдѣленіе вызывается, съ одной стороны, общей методологической потребностью теоретическаго разложенія сложнаго объекта на болѣе простые элементы, съ другой стороны, какъ это указываетъ самъ авторъ,—крайностями социально-экономическихъ воззрѣній, въ которыхъ „часто сказывается недостаточное вниманіе къ политическимъ факторамъ, какъ таковымъ: недостаточно оцѣнивается, какъ глубоко вліяютъ учрежденія и правовыя нормы на жизнь общественныхъ классовъ“ (стр. 6). Эту односторонность восполняетъ политико-морфологическая точка зрѣнія во имя требованій политической дѣйствительности, „которая ясно указываетъ, что власть являлась предметомъ совершенно самостоятельныхъ желаній, что часто само экономическое могущество было лишь средствомъ достиженія власти и что вообще въ этой послѣдней мы имѣемъ нѣкоторое первоначальное психическое состояніе, несомнѣнно еще требующее своего истолкованія“ (6). Невозможность сводить развитіе политической организаціи къ одной лишь социально-экономической эволюціи констатируется авторомъ и по одному частному случаю,—именно, изложивъ развитіе основныхъ правъ личности изъ религіозной свободы, нашъ авторъ подчеркиваетъ это обстоятельство, какъ „фактъ, который долженъ былъ бы остановить на себѣ вниманіе адептовъ исключительно экономическаго истолкованія исторіи“ (81).

Становясь на политико-морфологическую точку зрѣнія, С. А. Котляревскій допускаетъ на ряду съ ней и возможность, и умѣстность какъ юридической, такъ и социально-исторической точекъ зрѣнія; мало того, онъ самъ заявляетъ, что и въ его собственномъ „обзорѣ“ политико-морфологическая точка зрѣнія не исключаетъ двухъ другихъ, а лишь подчиняетъ ихъ себѣ. Дѣйствительно, такое заявленіе автора не является голословнымъ: въ изложеніи его труда онъ сплошь и рядомъ прибѣгаетъ и къ юридическимъ формамъ, и къ социально-историческому объясненію „дѣйствительнаго распредѣленія власти“.

Принципальное признаніе необходимости совмѣщать въ изученіи государства нѣсколько точекъ зрѣнія, слѣдовательно, и нѣсколько методовъ представляется намъ совершенно правильнымъ ¹⁾. Столь сложный объектъ, какимъ является государство,

¹⁾ Нашу солидарность съ авторомъ по данному вопросу отмѣчаемъ съ тѣмъ большею готовностью, что намъ самимъ приходилось неоднократно выступать съ

дѣйствительно долженъ быть изучаемъ по меньшей мѣрѣ съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія социального процесса, происходящаго въ немъ, устанавливаемаго этимъ процессомъ распредѣленія власти (элемента специфически-политическаго) и юридической конструпціи послѣдняго. Первая и третья точки зрѣнія даютъ намъ методы социально-исторической и юридической, вторая—методъ политическій въ широкомъ Аристотелевскомъ смыслѣ этого слова, противопологаемомъ позднѣйшему, установившемуся съ XVII вѣка пониманію политики въ смыслѣ прикладнаго ученія о государственной цѣлесообразности. Очевидно, во избѣжаніе возможной двусмысленности, С. А. Котляревскій вводитъ специальный терминъ „политической морфологіи“, при чемъ сознаетъ и отмѣчаетъ связь послѣдней съ „политикой“ Аристотеля (см. стр. 7, прим. 1-ое).

Для успѣшнаго развитія науки о государствѣ требуется, очевидно, равномерная разработка вопросовъ государственной жизни со всѣхъ трехъ указанныхъ точекъ зрѣнія. Къ сожалѣнію, этому требованію какъ-разъ не удовлетворяетъ наша отечественная научная литература по государствовѣдѣнію; въ ней господствуютъ методы социально-исторической и юридической, при чемъ въ сферѣ изученія современнаго государственнаго строя послѣдній царитъ почти исключительно и безраздѣльно. Поэтому нельзя не признать плодотворнымъ обращенія нашихъ научныхъ силъ и къ политическому изученію вопросовъ государственной жизни. Два года тому назадъ вышло въ свѣтъ „политическое изслѣдованіе“ З. Д. Авалова, посвященное специальному вопросу о децентрализаціи во Франціи. Начало нынѣшняго года ознаменовалось появленіемъ труда С. А. Котляревскаго, задающагося болѣе широкой цѣлью обзорѣнія всего строя конституціоннаго государства съ политико-морфологической точки зрѣнія. Нельзя не признать этого явленія отраднымъ въ смыслѣ методологическаго восполненія отечественной литературы по государствовѣдѣнію.

Непосредственная связь общественныхъ наукъ съ жизнью приводитъ къ тому, что, съ одной стороны, самые методы ихъ сла-

утверженіемъ, что, выражаясь словами нашего автора, „одинаково несправедливо ослабивать права формально-юридическаго пониманія государства, какъ и утверждать, что оно есть единственно-истинное и законное“. См. наши работы: Критическій разборъ сочиненія Деландра по методологіи, *Ж. М. Н. Пр.*, 1903, Іюль; Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи, Варшава. 1904 г.; Историческое происхожденіе юридической школы нѣмецкихъ государствовѣдцевъ. *Вѣстникъ Права*, 1905 г., Декабрь.

гаются въ зависимости отъ болѣе выпуклаго проявленія тѣхъ или иныхъ сторонъ общественнаго строя въ ту или другую эпоху, съ другой стороны,—наиболѣе плодотворнымъ для общества оказывается изученіе социальнихъ и политическихъ вопросовъ съ той методологической точки зрѣнія, которая соотвѣтствуетъ практическимъ запросамъ современности. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи „политико-морфологическая“ точка зрѣнія С. А. Котляревскаго вполне соотвѣтствуетъ общественно-научнымъ потребностямъ переживаемого нами переходнаго времени. Политическій строй нашего отечества перешагнулъ ту формальную грань, за которой начинается конституціонное государство, изученіе какового приобрѣло для насъ такимъ образомъ практическій интересъ. Общее констатированіе практической заинтересованности нашего общества въ изученіи конституціоннаго государства само по себѣ недостаточно. Необходимо еще болѣе точно опредѣлить, въ какомъ направленіи дѣйствуетъ наша несомнѣнная практическая заинтересованность въ данномъ дѣлѣ. Для всякаго очевидно, что не можетъ быть рѣчи о направленіи формально-юридическомъ: нашъ конституціонализмъ находится пока въ „тевучемъ“ состояніи, и еще не приспѣло время для кристаллизаціи его въ законченныхъ юридическихъ конструкціяхъ. Не представляетъ преобладающаго въ данный историческій моментъ интереса и социальное-историческая точка зрѣнія какъ вслѣдствіе фактическаго признанія достаточной зрѣлости общественнаго процесса для новыхъ формъ распредѣленія власти, такъ и въ виду нѣкоторыхъ проявленій узко-доктринерскаго игнорированія значенія политической организаціи, обязывающихъ современную научную литературу къ реабилитаціи „правового государства“¹⁾. Такимъ образомъ, за вычетомъ двухъ другихъ точекъ зрѣнія, преобладающій интересъ современности сосредоточивается какъ-разъ на той политико-морфологической точкѣ зрѣнія, на которую сталъ почтенный авторъ разсматриваемаго нами труда.

Занявшись политической морфологіей, С. А. Котляревскій не ограничивается механическимъ сопоставленіемъ разнообразныхъ формъ распредѣленія власти, но подобно морфологу-ботанику систематизируетъ эти формы, при чемъ получаетъ, по собственному выраженію, „нѣчто большее, чѣмъ простую классификацію“, имен-

¹⁾ Такую необходимую реабилитацію, мы встрѣчаемъ въ интересномъ и поучительномъ очеркѣ Б. А. Кистяковскаго: „Государство правовое и социальное“ *Вопр. фил. и псих.*, 1906, кн. 85.

но—ряды постепенныхъ переходовъ отъ однѣхъ формъ къ другимъ, въ чемъ можно бы также усмотрѣть аналогію съ извѣстнымъ ученіемъ о т. н. метаморфозѣ растений. Установленіе, систематизація и констатированіе превращеній формъ распредѣленія власти производятся авторомъ примѣнительно къ избранному имъ для изученія одному основному типу политическаго строя,—къ конституціонному государству. Поэтому важно остановиться на томъ, какъ этотъ типъ опредѣляется нашимъ авторомъ.

Конституціонное государство С. А. Котляревскій опредѣляетъ, какъ форму „политическаго самоопредѣленія“ народа (стр. 9). Употребленный авторомъ терминъ довольно необыченъ въ спеціальной литературѣ: тѣмъ не менѣе онъ вполне понятенъ, такъ какъ заимствованъ изъ живого общественнаго языка нашихъ дней. Подъ этимъ терминомъ разумѣется смѣна исключительнаго господства профессиональнаго или бюрократическаго правительства участіемъ общества во власти, т. е. тотъ процессъ конкурированія правительства и общества, который формулированъ въ извѣстный классификаціи формъ правленія у Пасси и Чичерина, сохранившей до сихъ поръ свое научное значеніе. Какъ видимъ, въ опредѣленіи основнаго морфологическаго типа нашъ авторъ не обходится безъ социальное-историческаго обоснованія.

По степени „политическаго самоопредѣленія“ народа типъ конституціоннаго государства представляетъ многочисленныя разновидности. Послѣднія сводятся авторомъ къ двумъ крупнымъ видамъ: конституцій, основанныхъ на народномъ суверенитетѣ, и октроированныхъ (14). Мы видимъ, что для своихъ морфологическихъ цѣлей авторъ пользуется формально-юридическимъ признакомъ различія, но не ограничивается имъ, и вскрываетъ то богатое политическое содержаніе, которое имъ выражается и которое мѣняется по обстоятельствамъ времени и мѣста, что подчеркиваетъ самъ авторъ относительно Англии (21—22). Но указанные два вида не исчерпываютъ дальнѣйшихъ разновидностей, и авторомъ допускается болѣе детальная градація послѣднихъ: „конституціонныя государства могутъ быть расположены въ рядъ, сообразно съ тѣми предѣлами, которые поставлены въ нихъ политическому самоопредѣленію націи, и сообразно со степенью ограниченій, наложенныхъ на власть, бывшую прежде юридически неограниченной“ (27).

Для дальнѣйшей систематизаціи и установленія „родовъ“ конституціоннаго государства авторъ выдвигаетъ слѣдующіе признаки

различія: представительное и непосредственное правленіе: конституціи гибкія и неподвижныя, децентрализація и федерализмъ, государство и права гражданъ. Избраннымъ признакамъ нельзя отказать въ важномъ классификаціонномъ значеніи, такъ какъ они послѣдовательно выдвигаютъ столь важные вопросы государственнаго строя, какъ формы участія общества во власти, способы измѣненія взаимоотношенія между правительственными и общественными элементами, распредѣленіе власти сообразно территориальному и національному дѣленію общества и предѣлы воздѣйствія власти на сферу индивидуальныхъ интересовъ. Установляемые авторомъ систематическіе ряды отнюдь не являются предуставленными видами, но построены по началу динамики и раскрываютъ картину постепенныхъ переходовъ одного вида въ другой,—эволюціи конституціоннаго государства.

Разсмотрѣвъ общій характеръ распредѣленія власти въ конституціонномъ государствѣ, авторъ переходитъ во второй части своего труда къ обзору распредѣленія власти между отдѣльными органами конституціоннаго государства по традиціоннымъ рубрикамъ власти законодательной, исполнительной и судебной, при чемъ каждая изъ нихъ излагается со стороны организаціи и компетенціи. Въ этой части заслуживаютъ быть особенно отмѣченными: обстоятельное ученіе объ избирательномъ правѣ, тщательная оцѣнка важнаго значенія парламентаризма и должное отмѣненіе роли суда въ дѣлѣ наблюденія за конституціонностью законодательства и законностью управленія. И въ обзорѣ распредѣленія власти между отдѣльными органами власти въ конституціонномъ государствѣ авторъ устанавливаетъ морфологическіе ряды, постороенные на динамическомъ началѣ и эволюціонирующие въ сторону все болѣе и болѣе полного „политическаго самоопредѣленія“ народа.

Матеріаль, надъ которымъ оперируетъ авторъ, собранъ имъ по лучшимъ монографическимъ изслѣдованіямъ. Избранный имъ методъ и удачная систематизація придаютъ этому матеріалу во многихъ мѣстахъ оригинальное освѣщеніе и устанавливаютъ наглядную связь между самыми разнообразными детальными и спеціальными вопросами. Съ этой стороны трудъ С. А. Котляревскаго заслуживаетъ особенной рекомендаціи въ качествѣ т. н. общаго ученія о конституціонномъ государствѣ. Для начинающихъ книга С. А. Котляревскаго является необходимымъ введеніемъ, а на привычныхъ къ дѣлу специалистовъ она можетъ оказать то дѣйствіе, которое нѣмцы называютъ словомъ „anregend“. Если ко всему сказанному до-

бавимъ, что книга написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ, то нельзя будетъ не привѣтствовать ея, какъ цѣнный вкладъ въ нашу небогатую литературу по научному государствовѣдѣнію.

Θ. В. Тарановскій.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ въ редакцію постушили слѣдующія книги и брошюры:

Васильевъ, Н. С.—Введеніе въ государствовѣдѣніе. Казань. 1906. (Стр. 116)

Гольдштейнъ, М. Л.—Движеніе уголовного процесса. Практическіе примѣры. Спб. 1907. (Стр. VII+373). Ц. 1 рубль.

Горяиновъ, С.—Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ. Спб. 1907. (Стр. 355). Ц. 2 руб.

Законъ 4-го марта 1906 года о союзахъ и обществахъ съ слѣдующими къ нему разъясненіями Правительствующаго Сената и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Изд. М-ства Внутр. Дѣлъ. Спб. 1906. (Стр. 57). Ц. 40 коп.

Отчетъ о дѣятельности Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Харьковской судебной палаты за 1905—1906 г. (Съ 15-го февраля 1905 г. по 15-е февраля 1906 г.). Харьковъ. 1906. (Стр. 184).

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1905 годъ. Спб. 1906. (Стр. 259). Изд. главнаго тюремнаго управленія.

Отчетъ Харьковской общественной библіотеки за 20-й годъ ея существованія. Харьковъ. 1906. (Стр. 98+XXVI).

Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Томъ VI-й. Таможенные тарифы. Спб. 1906. (Стр. 149+60).

Статистика землевладѣнія по 24 губерніямъ. Вып. I, II, V, VIII—XIV, XVI—XXI, XXIII, XXIV, XXV, XXIX, XXXI—XXXIV. Изд. Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1906.

Тельбергъ, Г. Г.—Историческая записка объ учрежденіи и дѣятельности Казанскаго Юридическаго Общества за первые 25 лѣтъ его существованія. (1879—1903). Казань. 1906. (Стр. 44).

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета для 10 губерній Царства Польскаго. Вып. XXVI: Населеніе десяти губерній Царства Польскаго въ 1906 г. Ростъ населенія за 90 лѣтъ (1816—1906). (Стр. XVIII+89). Вып. XXVII: Статистическо-экономическій очеркъ десяти губерній Царства Польскаго. Отчетъ за 1906 годъ. (Стр. 98). Вып. XXVIII: Народное образованіе въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго за 90 лѣтъ. (1816—1906). Его успѣхи и развитіе за послѣднее сорокалѣтіе. Варшава. 1907. (Стр. 152).

Šilović, Josip.—Deseti oběi kongres medjunrodne kriminalisticke udruge-u zagrebu. 1907. (Стр. 85).